

«На Киевском вокзале друг друга мы узнали, А мы и не гадали, что это навсегда».

Они встретились не на вокзале, а в самом Киеве. И Игорь действительно не гадал, чем закончится это интервью. Не знаю, о чем он думал, когда она задавала ему каверзные вопросы. Но точно знаю, что после двухчасовой беседы он увез ее в свою столицу, а интервью так и не вышло в свет. Теперь вопросы ему задаю я, а Леночка в соседней комнате колдует над яствами и, наверное, вспоминает, как похоже начинался их сумасшедший роман, о котором она написала стихи к его песне.

Недавно в жизни Сарухановых произошел тот крутой поворот, о котором Игорь пел во времена моего детства. Наконец-то ему удалось свить шикарное гнездо в престижном районе Москвы. И достаточно одним глазком заглянуть в новый дом, чтобы отметить: Игорь и Лена предпочитают комфорт, светлые стены, мебель в суперсовременном евродизайне — в общем, чтобы было дорого и со вкусом. Особенно меня взволновала ванна, где можно утонуть в цветах и мини-

бассейне, и потрясающий сексодром (где тоже можно утонуть — только в наслаждениях). Энтузиазму и фантазии Сарухановых в процессе создания семейного уюта можно лишь позавидовать. А если учесть, что в перспективе установка индивидуального лифта для транспортировки хозяев и гостей дома на последний этаж и надстройка второго этажа на крыше — становится ясно, как белый день, что Игорь Саруханов отдается благоустройству своего жилища с не меньшей страстью, чем зрительному залу на концерте.

Кстати, о его выступлениях ходят легенды. Говорят, что концерты Саруханова напоминают сеансы экстрасенсорики и банки с водой на них заряжаются не хуже, чем у Чумака. Недаром как-то в «Афише» известный своими колдовскими чарами Юрий Лонго одел Игоря в белоснежный плащ магистра. Саруханов гостеприимно позволил мне почувствовать поле своей магии в разговоре, а на вопрос о лечебных свойствах его души вспомнил, что еще его прабабушка на ходу лечила ОРЗ и насморки.

— Ты производишь впечатление чело-

Звездное огниво

МАГИСТР ЛЮБВИ

века, который знает, чего хочет. Но всегда ли удастся добиться своего?

— Я философски отношусь к жизни. И считаю, что весь пресловутый набор советских грез о квартире, машине, даче — это норма, о которой не стоит много говорить. А мечтать тем более.

Просто, к сожалению, мы постоянно попадаем в какие-то переделки, круговороты. События меняются с такой быстротой, что невозможно сосредоточиться на своих проблемах. Как можно загадывать на будущее, например, когда вчера на улицах были танки...

Только Господь Бог знает: кому, что и когда. Я много лет снимал квартиры и говорил, что обязательно буду жить на Кутузовском. И — пожалуйста! Или... 22 сентября 1984 года меня выставили из группы «Круг»...

— За что, интересно?

— Наверное, за то, что стоял впереди, получал цветы и писал песни, которые становились популярными.

— Зависть?

— Может быть. Но в прошлом году все, кто приложил к этому руку, принесли свои извинения.

— Чем для тебя остался «Круг» — спонтанным воспоминанием или темным прошлым?

— У меня остались теплые воспоминания. Но группу уже не реанимировать. Это было созвездие четырех музыкантов, которые уже в 25 ощущали себя личностями: Михаил Файнзильберг, Александр Слизунов, Владимир Васильев и я. В других ансамблях коллектив мог постоянно меняться и марка от этого не страдала. С «Кругом» такая подмена не прошла. Это был тот редкий и незаурядный случай, когда без одного человека группа просто перестает существовать.

— На твой взгляд, сегодня такая группа, как «Круг», могла бы стать популяр-

ной и коммерческой?

— В ней был особенный дух, не похожий ни на кого. А публика в то время понимала джаз-рок, например, любила Стиви Уандера. Теперь царят другие вкусы. Сложно предсказать, что будет популярным через десять лет.

— А какие современные традиции в нашей музыкальной тусовке претят твоему вкусу, образу жизни?

— При встрече все друг другу «рады»: хлопают по плечу: «Старик! Куда пропал?». У каждого есть все телефоны, но ни у кого — времени позвонить. У меня тоже со временем туго, но перед сном я всегда могу найти десять минут, чтобы набрать номер и спросить: «Привет! Ты меня еще помнишь?» или оставить message на автоответчике. Если и этот сигнал уходит в пустоту, я понимаю: человеку нужно было от меня что-то другое, какая-то выгода. Или просто не пришло время.

— Ты не следуешь веянию моды — приходишь на концерты «засветиться», потусоваться, поучаствовать в банкете?

— В таких тусовках нет искренности.

— Но это же не перманентное чувство, как и любовь.

— Мы все живем в разное время, даже если живем в соседних домах. Я вспоминаю школу, институт, когда все жили одной тетрадью. И знали: вечером идем пить пиво, потом на танцы и в общагу. Все шло в общагу, даже маменькины сынки. Теперь все стали взрослыми и словно забыли, что работа и какой ты там — второстепенно. Главное — какой ты дома и кто к тебе придет.

— Любовь часто стучалась в твой дом?

— В юности были бессонные ночи, когда не хотелось ни спать, ни есть, ни пить. Хотелось всю ночь петь под окном серенады, потому что в груди все клокотало. А ей ты был не интересен или — она очень искусно играла. Просто она была опытнее, а ты только начинал жить. Вот и вся формула безответной любви, которая, как правило, ничем не заканчивается. Появляется более опытный мужчина, который не спрашивает: «Можно вас поцеловать?», а делает это без спроса, если чувствует расположение. У молодого человека чувства, может быть, и серьезнее и чище, но он оказывается «за бортом». А ведь все девушки стремятся к любви. Но влюбленные, как известно, слепы на оба глаза.

— Как восточный мужчина ты наверняка часто «слепнешь».

— Позволь, я все-таки вырос здесь и причисляю себя к этой нации. А из Самарканда меня увезли в розовом детстве. Мне тогда было четыре года.

— Но родился-то ты на родине эмира Бухарского, неужели никогда у тебя подсудно не возникало желания обзавестись личным гаремом?

— Любимый мужчина, по-моему, однажды фантазирует на эту тему. Во мне христианская кровь, и я могу только догадываться, какие отношения бывают в гаремах. Мне не нравится, что в них присутствует элемент насилия. Причем не именно сексуального, но прежде всего эмоционального. Этого я не приемлю.

— А многим женщинам это нравится.

— Безусловно, в сексе это может давать наслаждение. Но я о другом: мне хочется общаться, разговаривать с женщиной, а если она существует при мне как мебель — для меня это скучно и неинтересно.

— В общем, на родину не тянет ни каким боком.

— Был я недавно в Самарканде: грязи по колено. С одной стороны, необузданное, просто беспредельное гостеприимство, и тут же рядом — абсолютно нечистоплотные отношения в делах. Наверное, это и называют восточной традицией: днем — улыбка, ночью — кинжал из-за угла.

— Увы, кажется, такой «восток» «благоговорно» приживается и в нашей столице. Но давай не будем о грустном. Ты уже прочно «прописался» на телеэкране. Какая из музыкальных программ кажется тебе наиболее объективной?

— Если подразумевать под объективностью, хотя бы подбор музыкального материала, то такой может быть только программа, освещающая музыкальную жизнь по данным агентства авторских прав или по факту продажи пластинок. Как на «Gremmi», например. Не секрет, что у нас все эфиры покупаются, поэтому об объективности говорить смешно. Более того, получая деньги, некоторые ведущие позволяют себе оценивать, что хорошо, а что плохо. Это чудовищно! Как можно сравнивать Алену Апиуну с Викой Цыгановой?

— А «Овация», на твой взгляд, отвечает пафосному названию «Российской Национальной Премии»?

— На «Овации» со мной произошла история смешная до слез. В списке

участников меня не значилось, и за несколько дней до церемониала мой директор заехал в оргкомитет, чтобы спросить: «Ребята, вам нижняя губа ходить не мешает?». Они уверили его, что все в порядке. И вдруг мне позволили из фирмы «Десса», проводившей в Москве концерт Джексона, и предложили представить ее и выступить на «Овации». Я согласился. Но... из эфира меня просто вырезали.

Музыкантам вообще тяжело пробиться в наших условиях. Я давно хочу посвятить российским музыкантам свой концерт, на котором они не произносили бы зазданные речи, как водится, а показали искусство. А я спою для них и для зрителей свои песни.

— Сколько же у тебя песен! Только вышел твой компакт-диск и уже второй на подходе. «Комбинацию» осчастливил целым альбомом, Челобанову подбросил парочку шлягеров... В чем ты черпаешь вдохновение?

— Обязательно нужна встреча, взгляд, какие-то неординарные ситуации в жизни, чтобы проснуться утром воодушевленным. И совсем обязательно рассказывать их в песнях. Просто музыкант должен быть романтиком, иначе вполне уместным был бы вопрос — а почему бы ему не заняться, например, алгеброй?..

Алгебру любви нелегко уложить в учебное пособие для начинающих. Еще сложнее, наверное, вывести универсальную формулу в беседе между женщиной и мужчиной. Во всяком случае, об этом можно говорить бесконечно, но так и не найти нужных слов. Может быть, поэтому Игорь Саруханов сочиняет музыку.

Юлия АЛЕКСАНДРОВА.

Фото Рифата ЮНИСОВА.